

Ф. И. ЧУЕВ

Полудержавный властелин

<Фрагменты>

<...>

— Хорошо, что русские цари навоевали нам столько земли. И нам теперь легче с капитализмом бороться.

— Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей¹.

...Вспоминается рассказ А. И. Мгеладзе (Первый секретарь ЦК КП Грузии в последние годы жизни И. В. Сталина), дополненный Молотовым, о том, как после войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах — небольшую, будто для школьного учебника. Сталин приколот ее кнопками на стену: «Посмотрим, что у нас получилось... На Севере у нас все в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика — это исконно русские земли! — снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы — вместе, молдаване — вместе. На Западе нормально». — И сразу перешел к восточным границам. «Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш», — Сталин провел трубкой по Китаю, — «КВЖД наша. Китай, Монголия — все в порядке... Вот здесь мне наша граница не нравится!» — сказал Сталин и показал южнее Кавказа.

<...>

— Сталин был крупнейший тактик. Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией! Сталин вынудил его это сделать. Япония после этого сильно обиделась

на Германию, и из их союза ничего толком не получилось. Большое значение имели переговоры с японским министром иностранных дел Мацуокой. В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы, были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным крепко напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать. Мацуока у себя потом поплатился за этот визит к нам...

А в 1945 году я объявил войну японцам. Вызвал в Кремль посла и вручил ему ноту.

— И как японцы восприняли?

— Как восприняли? С восторгом.

— Показывали по телевидению, как вы со Сталиным в 1941 году принимали Мацуоку. Сталин пьет шампанское и на него смотрит. А вы стоите с бокалом и улыбаетесь. Мацуока Сталина под руку взял...

— Тот уже выпил много. Журналисты заставили. Дело идет к войне. Это в моем кабинете. Народу много было...

— Говорят, вы с Мацуокой пели «Шумел камыш...», когда его провожали в 1941 году?

— Было, было дело... Да, он еле стоял на ногах на вокзале...

<...>

— Во всех исторических книгах говорится, что Сталиным был допущен просчет в определении срока начала войны.

— В какой-то мере так можно говорить только в том смысле, если добавить: а не просчета не могло быть, — отвечает Молотов. — Как можно узнать, когда нападет противник? Мы знали, что с ним придется иметь дело, но в какой день и даже месяц...

— Известно, что было четырнадцать сроков.

— Нас упрекают, что не обратили внимания на разведку. Предупреждали, да. Но если бы мы пошли за разведкой, дали малейший повод, он бы раньше напал.

Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступить. Весь вопрос был в том, докуда нам придется отступать — до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы обсуждали.

Мы знали, что придется отступить, и нам нужно иметь как можно больше территории. (Читаю у Черчилля: «В пользу Советов

можно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей огромной страны. Если их политика и была холодно-расчетливой, то она была в тот момент в высокой степени реалистичной». — Ф. Ч.)

Мы делали все, чтобы оттянуть войну. И нам это удалось — на год и десять месяцев. Хотелось бы, конечно, больше. Сталин еще перед войной считал, что только к 1943 году мы сможем встретить немца на равных.

— Но были же донесения разведки...

— Написано об этом противоречиво. А с моей точки зрения, другого начала войны и быть не могло. Оттягивали, а в конце концов и прозевали, получилось неожиданно. Я считаю, что на разведчиков положиться нельзя. Надо их слушать, но надо их и проверять. Разведчики могут толкнуть на такую опасную позицию, что потом не разберешься. Провокаторов там и тут не счесть. Поэтому без самой тщательной, постоянной проверки, перепроверки нельзя на разведчиков положиться. Люди такие наивные, обыватели, пускаются в воспоминания: вот разведчики-то говорили, через границу переходили перебежчики...

Нельзя на отдельные показания положиться. Но если слишком, так сказать, недоверчивыми быть, легко впасть и в другую крайность.

Когда я был Предсовнаркома, у меня полдня ежедневно уходило на чтение донесений разведки. Чего там только не было, какие только сроки не назывались! И если бы мы поддались, война могла начаться гораздо раньше. Задача разведчика — не опоздать, успеть сообщить.

Вообще все мы готовились к тому, что война будет и от нее нам трудно, невозможно избавиться. Год оттягивали, полтора оттягивали. Напади Гитлер на полгода раньше, это, знаете, в тогдашних наших условиях было очень опасно. И поэтому слишком открыто так, чтобы немецкая разведка явно увидела, что мы планируем большие, серьезные меры, проводить подготовку было невозможно. Провели очень много мер, но все же недостаточно. Не успели многое доделать. Пошли воспоминания, будто бы за все должен Сталин отвечать. А был нарком обороны, начальник Генерального штаба... Но с другой стороны...

— Некоторые, маршал Голованов в частности, считают, что Генеральный штаб прозевал войну.

— Он не прозевал. Тут и по его вине, и потому, что у них директива была такая: не верить первым сообщениям, проверять. На это ушло какое-то время.

— Но это уже недоработка Сталина.

— Так можно, конечно, считать. Положение у него было очень трудное, потому что он очень не хотел войны.

— А может, Сталин переоценил Гитлера, думал, что тот все-таки поумнее и не нападет на нас, не закончив войну с Англией?

— Верно, верно, такое настроение было не только у Сталина — и у меня, и у других. Но с другой стороны, Гитлеру ничего не оставалось делать, кроме как напасть на нас, хоть и не кончена война с Англией, да он бы никогда ее не закончил — попробуй закончи войну с Англией! <...> — Наивный такой Сталин, — говорит Молотов. — Нет. Сталин очень хорошо и правильно понимал это дело. Сталин поверил Гитлеру? Он своим-то далеко не всем доверял! И были на то основания. Гитлер обманул Сталина? Но в результате этого обмана он вынужден был отравиться, а Сталин стал во главе половины земного шара!

Нам нужно было оттянуть нападение Германии, поэтому мы старались иметь с ними дела хозяйственные: экспорт-импорт.

Никто не верил, а Сталин был такой доверчивый!.. Велико было желание оттянуть войну хотя бы на полгода еще и еще. Такое желание, конечно, было у каждого и не могло не быть ни у кого, кто был близок к вопросам того времени. Не могло не быть просчетов ни у кого, кто бы ни стоял в таком положении, как Сталин. Но дело в том, что нашелся человек, который сумел выбраться из такого положения, и не просто выбраться — победить!

Ошибка была допущена, но, я бы сказал, второстепенного характера, потому что боялись сами навязать себе войну, дать повод. Вот как началась, мы отвечаем за это.

Это, по-моему, не ошибки, а наши слабости. Слабости, потому что я думаю, что нам психологически почти невозможно было быть к этому вполне готовыми. Мы чувствовали, что мы не во всем готовы, поэтому, конечно, переборщить с нашей стороны было очень естественно. Но оправдать это нельзя тоже. А тут каких-либо ошибок я, собственно, не вижу. В смысле предотвращения войны все делалось для того, чтобы не дать повод немцам начать войну.

— Но Гитлер-то уже решил, уже на него было трудно повлиять...

— Мы все-таки в его голове не сидели. Он уже в 1939 году был настроен развязать войну. А когда он ее развяжет? Оттяжка была настолько для нас желательна, еще на год или на несколько месяцев. Конечно, мы знали, что к этой войне надо быть готовым в любой момент, а как это обеспечить на практике? Очень трудно.

...Сколько раз беседуем на эту тему, столько раз уточняю. И через пять, и через десять, и через пятнадцать лет Вячеслав Михайлович говорит одинаково, и у него это — не попытка оправдания, а неколебимое убеждение. Вот сидим на даче в Жуковке, приехал писатель Иван Стаднюк. Молотов следит за публикацией его романа «Война», оценивает положительно, дает советы. Прочитав третью книгу романа, упрекнул автора в том, что у него Сталин высказывает предположение о том, что немцы не нападут на нас ранее 1942 года, — Стаднюк в данном случае опирается на воспоминания маршала К. А. Мерецкова.

— А я это считаю неправильным, — говорит Молотов. — На мертвого валить, на Сталина, будто бы он это сказал? Во-первых, Мерецков — неточный человек, нельзя тут на него положиться. Сталин называл его «ярославец». Почему «ярославец»? В Ярославле, говорил он, такой оборотистый живет народ, что евреев там почти нет, там сами русские выполняют эти функции, и один из таких — Мерецков. Вряд ли Мерецков может быть точным, написав это! Я же со Сталиным общался, но я такого не помню, и никто из людей, кто близко, повседневно общался со Сталиным, не говорит об этом. Допускаю, что я что-нибудь забыл, может, что-то подобное Сталин допустил, но со словом «наверное»... Вы это сделали, чтоб оправдать Тимошенко, который размышляет у вас о начале войны. А Тимошенко ведь не последний человек был — народный комиссар обороны! А он-то на высоте был? Чего ж на Сталина? <...> По сути, к войне мы были готовы в главном. Пятилетки, промышленный потенциал, который был создан, он и помог выстоять. Иначе бы у нас ничего не вышло. Прирост военной промышленности в предвоенные годы у нас был такой, что больше было невозможно!

<...>

Читаю Вячеславу Михайловичу стенограмму встречи генерала армии С. М. Штеменко с читателями. Штеменко говорит: «В книге В. Соколова “Вторжение” неизвестно по какой причине неправдо-

подобно излагается начало войны... Он считает, что армию у нас до войны учили только наступать. Ну и что же? Мы и сейчас учим армию наступать, иначе армия никогда не одержит победу. Это истина, известная еще Спартаку. Далее, он критикует и ставит под сомнение правильность нашей военной доктрины... Не веря в Сталина, невозможно было б в такой обстановке победить врага».

— Правильно, — говорит Молотов.

— «Я руководствовался в этом вопросе тем, что наш народ умный, сам все поймет. Поэтому о Сталине ни хорошего, ни плохого я не писал, а написал только то, что было. Но одно могу сказать, что Сталин хорошо знал военное дело, не только военную стратегию, но и тактику... Военное дело знал не вообще, а хорошо, досконально, знал оперативное искусство, руководил войной на высшем уровне. Сошлюсь на некоторые примеры. Когда немцы подошли к Москве, в октябре 1941 года сложилось очень тяжелое положение. Многие правительственные учреждения, Генеральный штаб были эвакуированы. Немец стоял под Москвой и рвался к Москве. Особенно тяжелое положение было в направлении Волоколамского шоссе, Западный фронт. В этот период все соединения просили подкрепления. Их у нас не было. Участки обороны мы подкрепляли поротно, даже военные училища мы делили на кусочки. В этот период у Сталина находилось пять полнокомплектных армий, вооруженных новой техникой. Под Москвой операциями тогда командовал Жуков, и, несмотря на его неоднократные просьбы и мольбы, Сталин не дал ему ни одного батальона и сказал, чтобы он любой ценой продержался. Тогда мы считали, что Сталин допускает ошибку. В декабре месяце, когда немецкие войска были обескровлены, Сталин ввел эти войска в действие. Немец от Москвы был отброшен.

Тогда мы только поняли, насколько Сталин велик не только в стратегии, но и в тактике.

Командный пункт Жукова в период угрожающего положения находился ближе к линии обороны. Жуков обратился к Сталину с просьбой о разрешении перевода своего командного пункта дальше от линии обороны, к Белорусскому вокзалу. Сталин ответил, что если Жуков перейдет к Белорусскому вокзалу, то он займет его место.

<...>

— В 1945 году советская часть вошла в Маньчжурию. Навстречу нашему старшему лейтенанту идет поп:

— Здравия желаю, господин поручик!

В православной церкви был оборудован стенд «Слава русского оружия» — портреты Суворова, Кутузова, Скобелева, Брусилова. Посредине был государь Николай Второй, но поп его отодрал и приклеил Сталина: «Теперь у вас царь — не разболтаешься! Не то что Николашка... Нам бы такого в 1917 году — черта б вы революцию сделали!»

— Белую эмиграцию, — говорит Молотов, — в значительной мере повернуло к Сталину то, что он упразднил в армии институт комиссаров, ввел единоначалие и погоны.

<...>

— Сталин жалел, что согласился на генералиссимуса. Он всегда жалел. И правильно. Это перестарались Каганович, Берия... И командующие настаивали.

— Кузнецов пишет...

— Он не все знает. Сталин был против. Сожалел: «Зачем мне все это?» Для чего ему какие-то внешние отличия, когда он был всем известный человек! Военные — это одно дело, а Сталин — политик, государственный руководитель. Суворов же не был государственным и партийным деятелем! Ему это звание было нужно. А Сталин — руководитель коммунистического движения, социалистического строительства. Это звание ему было не нужно. Нет, он очень жалел.

— Сталин только один, имейте в виду, а генералов-то много. Потом было ругался: «Как я согласился?» Вождь всей партии, всего народа и международного движения коммунистического и только генералиссимус. Это же принижает, а не поднимает! Он был гораздо выше этого! Генералиссимус — специалист в военной области. А он — и в военной, и в партийной, и в международной. Два раза пытались ему присвоить. Первую попытку он отбил, а потом согласился и жалел об этом.

Писатель В. В. Карпов очень просил меня устроить ему встречу с Молотовым. Я уговорил Молотова, и встреча состоялась. Карпов сказал, что собирается написать роман «Генералиссимус Сталин»:

— Хочу написать о Сталине правдиво. А написать о нем правдиво — это значит, написать положительно.

— Но имейте в виду, — сказал Молотов, — Сталин — сложная очень фигура. Просто личной симпатии недостаточно. Это хорошо, конечно, без этого и нельзя писать то, что надо, но у него большие особенности, требующие понимания эпохи, обстановки. И все-таки только как военного вы его не можете показать. Глав-

ное в нем — политик. Такую роль он играл в политике страны, в истории. Теперь это затушевывается. Много всякой шантрапы. Они свое дело делают, да.

...Разговор зашел о присвоении Сталину звания Героя Советского Союза после войны. Сталин сказал, что он не подходит под статус Героя Советского Союза. Героя присваивают за лично проявленное мужество.

«Я такого мужества не проявил», — сказал Сталин.

И не взял Звезду. Его только рисовали на портретах с этой Звездой. Когда он умер, Золотую Звезду Героя Советского Союза выдал начальник Наградного отдела. Ее прикололи на подушку и несли на похоронах.

<...>

— К технике у Сталина было огромное чутье. Он никогда не занимался техникой специально, не изучал совершенно, по крайней мере. Я у него никогда ни одной технической книги не видел, но он разбирался в сообщениях, и то, что получал от конструкторов и заводов, внимательно читал, сопоставлял, тут же находил слабые места и выход из положения.

У Сталина были, конечно, перегибы... Но у него было чутье к новому. И у него были хорошие отношения с конструкторами: с Ильюшиным, Яковлевым... В экономике, я бы не сказал, что он чутье проявил. В военном деле — да. Ко мне тоже хорошо относились военные, министры авиации, флота. Только Хрущев испытывал неприязнь...

У Сталина была поразительная работоспособность... Я это точно знаю. То, что ему нужно было, он досконально знал и следил. Это совершенно правильно. И смотрел не в одну сторону, а во все стороны. Это политически важно было, скажем, авиация — так авиация... (Я спросил выдающегося авиаконструктора А. С. Яковлева, разбирался ли Сталин в авиации, ответ был: «О-о-о!» — Ф. Ч.) Пушки — так пушки, танки — так танки, положение в Сибири — так положение в Сибири, политика Англии — так политика Англии, одним словом, то, что руководитель не должен был выпускать из своего поля зрения.)

<...>

Я был Председателем Государственного Комитета Обороны в тридцатые годы, как Председатель Совнаркома, ну и на Комитете Обороны бывали, главным образом, вопросы авиации. Тянули моторы, танки, морские дела, но особенно часто — авиацию, потому

что это более сложное дело, больше трудностей было для нашей техники. И вот Микулин. Вызываю по его вопросу, он жалуется, что ему мало помогают. Он изложит свои требования, раскритикует всех, кто вокруг него, вплоть до партийной организации. Все защищаются, критикуют его, говорят, что это невозможный человек, самодур, ни черта не понимает, требует... А он после как выступит — всех положит! И первый моторист у нас! Лучшие моторы — микулинские!

Академики, партийные организации, начальники заводов — он их всех критикует — мало помогают, не так делают, виноват этот, этот — всех выругает. А потом они все защитятся, он снова выступит, и снова всех положит на спину!

(А. А. Микулин рассказывал мне, что он приходил в Кремль с разными железяками, высыпал их из карманов на стол и говорил:

— Погибнет вся авиация, если мы не будем делать клапана с солями натрия... Товарищ Сталин, в политике вы гений, а в технике положитесь на меня.

В авиации шутили, что Микулину захотелось «соленых клапанов», как соленых огурчиков. А это очень дорогое удовольствие. Но Сталин сказал:

— Если Микулин попросит делать бриллиантовые клапана, и это пойдет на пользу нашей авиации, будем делать бриллиантовые!

<...>

Война. Могут сказать, война — это не теория, а практика. Нет, это не только практика. Сталин и здесь обобщил очень многое. Он глубоко смотрел. Например, говорил, почему немцы в войнах оказывались в более выгодном положении? Потому что они по кадрам, по культуре опережали, много внимания уделяли передовой артиллерии, это бог войны. Русские в смысле артиллерии старались не отставать, придавали ей большое значение, но отставали. В этой-то войне Гитлер не имел настоящей хорошей артиллерии, он на блицкриг рассчитывал. А Сталин теоретически очень хорошо обдумал: нет, блицкригом не возьмешь Россию, Советский Союз — большая страна, советский народ — большой народ. Немцы рассчитывали, что будет короткая война, так как они хорошо вооружены и подготовлены. И поэтому большой, крепкой артиллерии они не готовили. Для танков, для самолетов то, что нужно, они имели. Гитлеровцы думали, что танки и авиация плюс хорошая пехота, которая у них была, обеспечат им победу.

И маневренность, конечно. И поэтому они пользовались ударными группами, особенно танковыми, умели сконцентрировать и ударить. Большими ударными клиньями танков проламывали наш фронт, а потом в прореху бросали пехоту.

Сталин пошел дальше. Он не только все это использовал. Он создал артиллерийские армии, чего не было у немцев. Как надо вести наступление? Во-первых, авиация должна бомбить хорошенько. Начинать она должна, потом артиллерия продолжает, дальняя артиллерия, только после этого танки, а после танков — пехота. Четыре этапа развития наступления Сталин разработал глубоко. Не знаю, были ли у немцев дивизии: артиллерийские, у нас были дивизии, а к концу войны — уже армии артиллерийские. Такая масса артиллерии, она пройдет любой фронт. Это у нас применялось. Дивизии, во всяком случае. Может, только говорилось об армиях. Но это уже готовилось.

В первые же месяцы войны, а по-моему, даже перед войной, Сталин заметил, что командующие не умеют управлять всеми видами войск сразу. Я не вижу, чтоб это где-то у наших военных было отражено, не вижу.

Он занимался подготовкой командующих нового типа, которые владели управлением всеми видами войск. Сталин еще в начале тридцатых годов на параде сказал Буденному насчет тачанок: «Не пора ли это все в музей?» Но кавалерию надо было использовать эффективно, с наименьшим ущербом и с наибольшим результатом. Этому командующие наши не понимали. Не говоря уж о Ворошилове.

Сталин был не военный, но с руководством Вооруженными Силами справился хорошо. Хорошо. Никакой нарком не руководил авиацией, а руководил Сталин, и военно-морскими делами руководил Сталин, и артиллерией — Сталин. Были и ошибки. Они неизбежны, но все шло, и это накачивание новой техники военной — под его началом. Этому почти никто не знает.

<...>

— Во время финской войны Сталину привезли новый пулемет на полозьях. Сталин попросил себе винтовку из караулки, лазил по ковру с этим пулеметом, нашел несколько недостатков — с большим знанием дела².

<...>

— От Ворошилова, как от наркома обороны, ждали, конечно, большего. Он всей душой хотел, но не смог. Новый подход к делу

нужен. Перед Финской войной он был против автоматов: «Где это нам набрать столько пуль, если поставим ППШ? Это же не наберешься!» А уж надо набираться, хочешь не хочешь. Коли у тебя такой противник, надо иметь не меньше, чем он. Конечно, он отставал. «Мы будем не в состоянии». А Сталин ему: «Как не в состоянии? Другие имеют, почему мы не в состоянии?»³

Сталин умел учиться и быстро схватывал новое.

<...>

